

1906.

СЪСТАВЪТЪ

№ 2.

5 Марта.

Цѣна 10 коп.

Митричъ.

Вотъ шоссеюи дорога,
Вотъ ворота ибаниа стоять,
Митричъ съ сыномъ у порога
Пиво крикомъ парить.
Тата! мизку-то убаша
Удалые казака,
И меза путь не прибавя
Нтъ усадьби батраки...
Возъ въ прогони! Вадниъ тамъ?
Бросъ варить хмѣльное пиво,
Слышиш, гости йдутъ къ намъ!
Вышелъ Митричъ, оламъблса:
„Ну и дурень же ты братъ!
Нтъ блинниа ты обмѣлса?
Марша въ деревню, бей въ набаты!
Вотъ привала и намъ распалта
За свободное юатье,
Экъ, прощай, родная хата!
Завари-жъ и нъи петье...“
Гости близко... Говори, крижи,
Бубыя асело гремѣть,
За плечами видныи ножи,
Плети съ воаса гланиъ.
„Ну, теперъ, кажисъ, сооривалъ
Все, что дурако да гостей.
Видно дѣлать я обмѣлса,

Будуъ помятъ, ей-же-ей!
Встрѣтитъ домъ мой нъи богато,
Самъ же въ атьс теперь уйдю.
Ну, прощай, родная хата,
Я теби ужъ не найду.“
Шаму свѣтъ, перекрестилса,
На гнѣлого Ваську вѣлѣъ,
Хатъ нъико поклонилса
И айда въ зеленый атьс.
„Эй, хозяинъ, слышиш, что-ли!
Отодвини сюрый засовъ,
Выйди къ намъ по доброй волѣ,
Угости насъ молодцовъ!
Что-жъ ты, дѣволь, шевелса,
Отвори, прощайтъ айфрѣ!
Эй, Прокофьеви, навалиса!“
И слѣтъ съ петель дверъ.
И вошла тѣ гости въ хату,
Сиван рувалъ всѣмъ глѣтъ.
„Э, да нашему гутъ брату
Пожавитъса есъ кой-чьмъ!
Эй, ребята, что за дѣло,
Въ бочкѣ атьс изъ-подъ воми
Превосходнѣеише пиво
Богъ послать намъ за трудомъ.
Ну, хрузьи, давайте чарки:
За боитыйи вашъ уловъ,

Чтобъ хороше попарки
Привести изъ-за атьсого.“
Что такъ быстро озмѣлсан,
Видно не вила дано!
Что-жъ вы, братцы, присирѣсан
Нтъ ншо такъ хмѣлао?
Вотъ и ночка наступаетъ,
Мгломъ мрачней атьс объятъ,
На дорогу выѣзжаетъ
Митричъ съ дюжиной ребятъ.
„Ну, ребяташка, смотрите,
Кикъ мы только полойдемъ,
Такъ аябары вы зажжете,
А нбу ужъ мы зажжемъ.
Ну-те, братцы, начивайте,
Не уйдутъ они отъ насъ!
Вотъ солони, зажжайте,
Завалистъ все сейчасъ.
Завайте, иродово плени,
Не уйдутъ они отъ насъ!
Отомститъ настало время
За убитую аету...“
Скоро вышло нананякъ хату,
Плани вышло къ небесамъ,—
Такъ отсталъ мужикъ солдатомъ,
Озмѣлѣвшии казакомъ.

Наъ.

Не пора-ли, Сергѣй, постыдаться амадей
И котъ что-нибудь сѣлать народу?
Источилъ ты казну, какъ послѣднѣй злодѣй,
Неужели не дашь ты свободу?
Ужъ и такъ отъ Баронаи ванъ нѣту жалъя,
Зарывану и выхлать стыдого—
Словомъ въ труби трубѣтъ: „Ну, ужъ ваши края!
Не за насъ, за свободу обидно.“

—Не дурачиле меза!—графъ, Сергѣй отивалъ,—
И исполое, иѣлъ, такъ поступая,
Да по чьей же и милости казакъ-то сталъ
И теперъ ни за что провалдо?
Не свободу намъ дашъ,—я ванъ цѣлиую,
Ето насъ и теперъ надуванъ,
А за царова и правду каваю, какъ аѣво,
И свободу и насъ проваливаю.

Марцелло.

Богово логово.

Сказка.

Вь одной странѣ люди жили язычниками. У нихъ было много боговъ. Всѣ боги сидѣли на одной высокой горѣ и смотрѣли за людьми. Каждой богъ смотрѣть по своей части. Ну, вотъ, одинъ богъ за тѣмъ смотрѣлъ, чтобы у солдатъ были каски хорошою отчищены — такъ, чтобы блестѣли. Другой смотрѣлъ, чтобы корабли стояли, гдѣ имъ полагается. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы иезавѣдомою ворониха въ построе не захватывали. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы на улицахъ было чистота и порядокъ, и чтобы люди въ пономояхъ не дебоширили и прогнать начальства не шебаршили.

Ну, и по другимъ частямъ были свои боги. Вотъ они все сидѣли и смотрѣли, и какъ что не по нимъ, сейчасъ громъ и молнія, — разное виноватому.

Вотъ люди язычники и говорятъ промежь себя:

— Возвуримъ-ка намъ финяну — они котъ и боги, и все-таки имъ, вода, легко финяну покатать.

И сейчасъ, какъ сказали, такъ и сдѣлали съ очень большимъ усердіемъ: сложили множество каменныхъ алтарей, навалили на нихъ большіе костры дровъ, финяномъ сверху полили и все это сразу зажгли.

Пламя колыхалось чуть не до неба, дымъ еще выше шелъ и прямо къ богамъ. А люди язычники старались, и они къ кострамъ день и ночь ходили, и они дрова подвѣшавали, и они финяну подвѣшавали.

На горѣ, гдѣ боги сидѣли, очень слабо запахало. Всю ту землю отъ боговъ дымнымъ облакомъ заволокло, и всю гору пахучимъ дымомъ закоптило, — а богами очень это понравилось. Сидеть, отъ удовольствия замурился, люди у нихъ очень веселые и даже блаженныя, — сидятъ, покатать и чихать. И такъ они въ дымъ-то этому урѣлись и начихались, что все сидятъ и дремлютъ, и ничего на землю не падать, да и смотрѣть не хотятъ.

Все бы это было ничто себѣ, хорошо, да вотъ разъ пришелъ въ ту землю одинъ большой человекъ. И такой онъ былъ всерозумнѣйшій большой, что какъ же ступитъ, такъ или домъ повалитъ, или человѣкъ-язычнина раздвинетъ.

Вотъ идетъ большой человекъ и видитъ: стоитъ гора довольно высокая, вокругъ нея внизу крохотные оготочки поблескиваютъ, все она дымомъ заволочена и осяза хорошо пахнетъ. Повернулся это большому человеку.

„Дай, — думать, — силу, поспеку, отдохну“.

Сѣлъ на горѣ, сидеть, трубку покуривать, ногами побатынать, — и совсѣмъ ему ни къ чему, что такое вода нимъ дѣлается. И не знаетъ того, какъ онъ сѣлъ, вадѣлать.

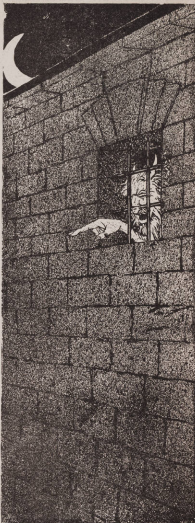
Такъ это овъ закуратно урѣлся на самое богово логово, что астья боговъ разомъ задавать, совсѣмъ ничто. Только отъ боговъ молренью осталось и осязъ внизъ во горѣ потекъ.

Посидѣлъ большой человекъ и пошелъ дальше, куда ему надо было. А язычники-язычники, водъ горой блаженно, на богова логова приближались, видяты: покуръ ручны бѣлые, пахнутъ хотъ и сладко, да колотно. Сейчасъ живямы духомъ сбѣгали домой, сказали большимъ язычникамъ.

Какъ ужъ тамъ дальше было, какъ въ этихъ дѣлахъ люди-язычники сообразились, точно не знаю. А только они узнали, что это боговы соки съ горы потокими текуть: не то языкъ это Сивилья языка раздала, не то колдунъ, или они по наукамъ дошли, но только все дѣло обнаружилось. Сначала имъ конфушно было, — старая шебаршили малость.

— Какъ такъ, — говорятъ, — по какому праву. Да гдѣ это показано — боговъ давать. За это такъ можно отпѣвать...

Но только видятъ, грома-молнии вѣтъ, и все происходитъ очень обыкновенно. Раскадали тогда они алтари, финяны своимъ дѣлкомъ гуляемъ отдали, а сами больше не заботян въ язычникахъ оставаться, — всѣ въ русскую вѣру перешли и въ Сафѣръ-рѣкъ очень дружно окрестились.

Если пѣсни твои, какъ болото, мертва,
 Если пламя не пишеть надъ ней,
 И тосклива она, какъ больная трава,
 И какъ шестать робки камнишей,

Если въ сердцѣ она не способна впереди
 Пламя мести, борьбы наслаждаеся,
 Если можетъ она только робко любить
 И мечтать о своемъ избавленьи,—

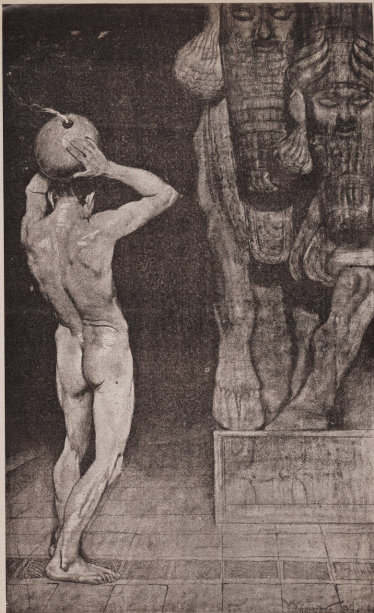
Если такъ, о, поэтъ! свою пѣсню тоски
 Ты не пой для толпы пробуждаема,
 Отъ нея ты услышишь насильника оди
 И озлобленней хохотъ презрѣнья.

Если-жь возьмемъ орломъ на мюгучехъ крылахъ
 Она можетъ, очами блантамъ,
 Унесется, потонуть въ голубихъ небесикъ,
 За собою другихъ увлекая,—

Если такъ, о, тогда становаясь впереди
 Мы, какъ буря, войдемъ за тобою,
 И пусть пѣсни твои будить въ нашей груди
 Вдохновење для битиъ золотое!

Пусть она, какъ ручей, говоритъ о весельи
 И поеть о грядущей свободѣ,—
 Мы откинемъ свой страхъ и сплотимъ дружиѣ
 И навстрѣчу пойдемъ непогодѣ!

Н. Аветисъ.

Провокаторъ.

Вы спрашиваете, почему я сегодня не веселъ? Тяжелую историю слышалъ я вчера; все стоитъ она ишибе изъясъ вонхъ мыслей, страшнше ихъ.

Вы знакомы съ Владимиромъ Тимофеевичемъ? — значитъ, знаете и его ближайшаго друга Протокоу. Да, они были настояще друзья, никогда ничего не говорили другъ про друга, всегда выдвигали изъ имъстй и называли ихъ братьямъ и сестрой, оубоуемъ и женой. Только квартыри ихъ, по какимъ то обстоятельствомъ, были въ разныхъ концахъ города, и потому вечеромъ одинъ изъ друзей обязательно провожалъ другого до дому. Да, ипрочеиъ, на все это знаете.

Выдвгль в Протокоу востаній разъ недѣли съ три тому назадъ, когда впервые было громко высказано о необходимости для дѣла освобожденя Россй вооруженнаго востаня.

Вотъ изъ этой самой комитатъ собралось тогда человекъ двѣнадцать — пятнадцать, все довольно близко соединеннахъ между собой людей. Говорили о многомъ, и о лучншихъ способахъ вооруженя, и о томъ, какъ и кто изъ насъ больше могъ бы использовать свои силы въ необходимо находящй моментъ.

Каждый строилъ свои планы, у каждого было уже твердо рѣшено, что онъ долженъ дѣлать, гдѣ онъ долженъ находиться въ эти страшные дни.

— Вооружайтесь, — сказали задучливо Протокоу, — какъ странно!

— Что-же страннаго?

— Какъ вообще можно вооружаться? Какъ въ силахъ и вооружаться, наприимръ?!

И всѣмъ сразу стало дѣйствительно жальиъ, что странно было бы видѣть нашего честнаго, убѣжденно отрицающаго всякую насильственную смерть, врага прата смерти — потому онъ и былъ мелководъ — Протокоу съ какими либо оруженъ въ рукахъ.

Прошла пауза...

— Ну вѣсь и уноковать. И не казна даиъ, а просто закои-нубудъ пивной хулиганъ, — возразилъ, наконецъ, кто-то.

Намъ опять стало ясноиъ, что такъ и будетъ, и убить нашего Протокоу первой вонзашйиъ изъ улицъ буйиной пивнана.

Стали тогда сообща думать: и Протокоу жалко, и свобода убѣжденнй... Додумались вооружить Протокоу обыкновенннхъ революционъ, но безопасннхъ, — зареженннхъ лишь холостыми патронами.

Нагулять можно хорошо, а живъиъ все-таки останется изъ святой неприкосновенности, убийства Протокоу не совершнть, да еще и нападющаго на него избаннть, въ свою очередь, отъ убійства. По крайней мѣрѣ даиъ жизни будутъ вѣрными у смерти.

Протокоу долго не соглашался съ нами, но послѣднй аргументъ нѣсколько подвѣтовалъ, и онъ сласъ.

Вчера, да это было вчера, а какъ кажется вѣнфронтннхъ, невозможноиъ то, что было вчера.

Вчера Протокоу провожалъ Владимира Тимофеевича. Тотъ живеть въ самомъ центрѣ, на Гороховой. Поповннхъ у воротъ, по обыкновеню, они показали другъ другу руки и Владимиръ Тимофеевичъ быстро обхватилъ по лѣстннхъ, изъ себя, домой. Почти въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ свою комнату и хотѣлъ начать раздѣваться, на улицѣ раздались выстрѣлы. Вздохи призывають къ оиу людямъ и уплывать...

Да, все произошло такъ. Простите, я волнуюсь, и не могу...

Протокоу повернулся, чтобы итти домой. Варуть онъ услышалъ откуда-то крикъ: „То-ва...ри...щн!.. то...ва...ри...щн!“ Ужасный, хватающй за душу крикъ. То, удущенный, онъ замолчалъ, то вновь поднялся, и все ближе и ближе казался онъ Протокоу.

Съ одного конца улицы вѣзалъ иновочнхъ. Съ другою вѣхалъ патруль въ пять казаковъ...

„То...ва...ри...щн!“ — свою крикъ, — крикъ, теперь ясно, съ правой стороны, отъ иновочнхъ.

Патруль приближался тихо, спонной.

Иновочнхъ все ближе къ Протокоу. Онъ виднть заиъдающую лошадъ, — какъ-какъ блнжить. Иновочнхъ — какъ обычно, буднично. Наконецъ, слодкъ. Нѣтъ, слодки, изъ, что такое?

„То...ва...ри...щн!“ Вслуха даиъ на шагнхъ. Да, вотъ въ чемъ дѣло... Дворннхъ сиднть. Въ ногахъ у него человекъ. Дворннхъ нахвннхъ его голову къиу, даиить его самого козлами.

Казакъ проѣхалъ мимо.

„То...ва...ри...щн!“ — крайнйъ возгласъ уже радеть съ Протокоу. Товарищи, вооружайтесь! — можетъ мелководъ изъ головъ Протокоу или, вѣрнше, зѣбра, онъ задущнть его!

Вспомннлъ про револьверъ, выхватнть его. — Не снбѣ дущнть! — крикнулъ и выстрѣлялъ въ дворннхъ, и бросился выручать товарища.

Владимиръ Тимофеевичъ прикинулъ лавкою къ стеклу.

Топотъ, повернули казакъ. Иновочнхъ старается унчаться на своей лошадеи. За ннхъ, съ выннннхъиъ кудельюиъ на лбу, Протокоу.

Искупанное лицо дворянка Леваданая морда. Мокрая шапка. Сапог выстрѣлъ Протоки. Что-то высоко блеснуло полосой. Ослѣдствовало на голову Протокки. Онъ упалъ. Какъкъ, дружокъ, третей свачуть черезъ него. Два остывались. Наклонились. Бьютъ, стучатъ шашками. Стекло раздвигается, сыпятся осыпки, что-то течетъ по лицу. Владимиръ Тимофеевичъ бросается вполъ изъ комнаты.

Скорѣй, скорѣй, на улицу.

Ворота заперты. Стучить, даво, безумно стучать. Никто не подходитъ. Вся занята. Тамъ, наущицъ, шумъ. Ворота желѣзные, не собьешь.

— Ишь, какъ въ его, сукина сына, — сразу на смерть!

Кто-то подходитъ. Говорить наголосъ неслыханнымъ тономъ! Что, какъ? жьжъ?

— Замертво, ваше благородіе!

— Осмотрѣть револьверъ.

Кто-то у воротъ шепчетъ: «Убили, мерзавца!»

Собирается толпа, гудитъ: «Убили!».

— Остатокъ три патрона, ваше благородіе, холостые.

— Какъ? что?. Разогнать поддочковъ!

Снова топотъ. Свѣтъ хруститъ. Бѣгутъ люди, свистятъ шагайки, падаютъ на что-то мягкое, отрываются стоны и гулы, гулы!..

— Это, ваше благородіе, вѣтъ, извѣрно.

— А-а? жаль, что... совсѣмъ его...

— Дуракъ онъ, ваше благородіе, чего палить зря, не предупредивши...

Владимиръ Тимофеевичъ снова стучитъ. «Сердце, гдѣ ты?» Подходитъ снаружи дворянка и отидается, наконецъ, замокъ.

Въ нѣсколькохъ шагахъ лежитъ Протока. Голова разбита. Страшно разбита. На вѣкъ тоже Красный свѣтъ, какъ тогда, летѣтаго января. Пальто все разодрано. Прочмалось ложади, прыгала шапка. Рука, почему рука лежитъ такъ странно?

— Что? — сушить голосомъ спросить къ чему-то Владимиру Тимофеевичу.

— Провонитора убили, — говоритъ, радостно улыбаясь, юный, совсѣтъ юный, рабочий и нурту добавляется съ озабоченіемъ: — собакъ собачья и сморна! — и свеленавать.

Откуда-то жидлака, свѣтъ, доносится вырваннѣйшей изъ удушья, осинный крикъ: «То...ка...ри...лиц!».

Справа возвращаются казаки.

Они бѣгутъ тихо, спокойно.

Ломокъ.

ВЪ ЛѢСУ.

Быль лѣсъ. На самомъ краю роса три дерева: сосна, ель и береза.

Роса и мечты о будущемъ.

Пришла челоука и срубилъ ихъ.

Сдѣлалъ ишланшу, гробъ и крестъ.

И вѣтъ мечты...

Марш.

ИЗЪ КАЛЕНДАРЯ.

Прекрасное есть—жизнь. *Н. Чернышевскій.*

⇒

Достойнъ тотъ ивѣтъ, кто уиѣтъ мужествомъ и самоуверенно искати. *Школицъ.*

⇒

Потерянное оружіежъ—возвращается, но нарушение даннаго слова невозвратимо; отступить отъ чести—то же, что не бити государемъ.

Императоръ Пётръ I.

⇒

Власть опьяняетъ. *Канцлеръ кн. Горчаковъ.*

⇒

Люди несправими: опятъ ихъ ничему не ишчасть. *Николаевъ I.*

⇒

Высшій Божій даръ, это—способность возмущаться ивѣтъ дурнѣтъ. *Гитъ.*

⇒

Уши слышать, очи видѣтъ—и вѣтъ не ивугтъ. *М. Е. Салтыковъ.*

⇒

Могила храбраго отечеству священна. *Огарковъ.*

⇒

Москва, и думать о тебѣ! *А. С. Пушкинъ.*

СТАРЫЯ ПОГУДКИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

Не красна Дума умази, а красна чинина.

●

Витте о двухъ головкахъ, да завирается.

●

Пока Дума сберется—вороны галки вылазуютъ.

●

Кому крестъ, кому чинъ, кому весь генералъ.

●

Сколько займется, столько и ложивется.

Гитъ-Лавъ.

